

В.И. Аршинов, Я.И. Свирский

Этос становящегося наблюдателя*

В данной статье мы предполагаем не столько обосновать, сколько показать справедливость того, что этос современной науки, или, лучше, этос ученого, вписанного в проблематику постнеклассической науки, является этосом становления, открытости и коммуникативного диалога. Сразу оговоримся, что речь пойдет не об анализе конкретных исследовательских практик, имеющих место в современном экспериментально-теоретическом естествознании, а о конструировании (спекулятивном конструировании) возможной этической позиции, которая была бы ориентирована не только на «объективное» схватывание и математическое оформление внешних наблюдателю-ученому природных (в самом широком смысле) реалий, но и на выявление тех личностных, подчас невербализуемых аспектов научного творчества (уходящих в контекст открытия), которые дают жизнь самому процессу познания. Живое познание подразумевает собственную уникальность и, в особенности, проявляет себя при взаимодействии с уникальными природными и социальными объектами.

Любой познавательный акт, совершается ли он в натурном эксперименте или же с помощью вычислительной машины, предполагает отношение к тому, что «что-то приходит»: происходит неожиданная встреча с неизвестным, причем такое неизвестное отчасти предполагается заранее (в плане возможных, теоретически допустимых характеристик), отчасти же несет в себе потенциал непредсказуемости. Причем именно непредсказуемые результаты, полученные в ходе исследования, как раз и составляют проблемное поле, отсылающее к *контексту обоснования*. Можно сказать, что акт познания на

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-03-00313.

правлен на ситуацию выбора: либо согласится с тем, что перед нами некая ошибка (то, что не укладывается в предзаданную схему истолкования изучаемого явления), либо признать, что, хотя бы в принципе, полученный эффект может поколебать обоснованные ранее тем или иным образом теоретические построения. Такой выбор, такая селекция результатов эксперимента не столь уж однозначна. Даже если экспериментатор отбрасывает негодные с его точки зрения показания приборов, он учитывает эти негативные последствия, откладывая их — в качестве своего рода аномалий — ради возможного дальнейшего разбирательства. Такое откладывание способствует, косвенным образом, укреплению *уверенности* экспериментатора и теоретика в адекватности полученных результатов актуальному положению дел во внешней реальности и наделяет позитивностью тезис о нагруженности наблюдения теоретическим знанием. Одновременно подобная «уверенность» свидетельствует о присутствии некоего неявного синтеза — синтеза, направленного на связывание того, что *не получилось* в предполагаемом эксперименте, с тем, что *ожидалось* (или предвиделось). Собственно, здесь мы имеем еще один вариант интерпретации интенциональной природы сознания, обсуждаемой еще Гуссерлем.

Указанный синтез (синтез уверенности исследователя) может обладать разными оттенками и имеет разные следствия. С одной стороны, он подразумевает движение в некоей устоявшейся исследовательской традиции истолкования природы, или парадигме (по Куну). С другой, он же ведет к «научным революциям», то есть предлагает качественные сдвиги не только в интеллектуальном отношении к миру, но и в способах его, если можно так выразиться, ощущения, эмоционального восприятия. Во втором случае этот синтез выступает как некая сингулярность в ламинарном потоке исследований, да и познающий субъект утрачивает многие черты коллективности (ангажированности научным сообществом) и сам обретает сингулярный характер. Но по отношению к классической интерпретации научной деятельности такая сингулярность, единичность исследователя, как правило, нивелируется (отсылается к «контексту открытия») в силу невозможности объективного учета всего многообразия психосоматических процессов, сопровождающих «естественную» жизнедеятельность ученого в ходе познавательной практики. Такая практика какой-то своей частью погружается в стихию случая. Потому речь скорее должна идти о том, может ли ученый «подготовить» себя (как приготавливают квантовый объект) — ввести себя — в состояние открытости для ситуаций смены парадигмы. За такую позицию ученого уже ратовал в свое время Фейерабенд. Сегодня, в период бурного

роста междисциплинарных исследований, а также в связи с все возрастающим интересом к уникальным, эволюционирующим природным и социальным объектам, указанная позиция становится особенно актуальной. Тем более, что за ее кажущейся естественностью кроются серьезные проблемы, связанные с отношением к уже устоявшимся и отчасти отрефлексированным в самих научных сообществах нормам и правилам изучения природы и человека — правилам, которые достаточно ригидны и которые транслируют свою ригидность в поведенческие исследовательские установки, в образ научного мышления.

То есть задача состоит в том, чтобы сконструировать (пусть даже, как уже говорилось, спекулятивно) образ *податливого* (не ригидного, не жесткого) субъекта, открытого для всякого рода самопреобразования в ходе исследований. Такой образ ученого мы будем выстраивать в виде совокупности тех потенциальных усилий, или возможностей, которые сопровождают любой познавательный акт, направленный на освоение — как внутреннего, так и внешнего — состояния дел. Последний включает в себя, по крайней мере, несколько компонентов, или потенциалов: рациональный, эмоциональный, чувственный и т.д. При этом нужно учитывать, что в ходе исследовательской деятельности одни из указанных потенциалов находят свое явное выражение, тогда как другие исчезают и в процессе своего исчезновения формируют зону виртуальности (зону открытости для освоения новых аспектов реальности): часть потенциалов уходит в зону виртуальности, другая часть актуализируется, формируя сложные композиции внутреннего состояния исследователя и внешней реальности. Тогда изменения в наблюдателе-исследователе, происходящие в акте познания, сопряжены с трансформациями способа компоновки, способа согласованности самого исследователя, способа, каким скрепляются друг с другом фрагменты имеющегося знания с тем новым знанием, какое, как предполагается, возникает в эксперименте. Причем такая компоновка дает не только новое знание о мире, но и подразумевает формирование новых смыслов, формирование нового понимания и отношения к самим познавательным процедурам и их оценке с точки их онтологической укорененности.

В таком случае конструируемый нами образ *податливого* субъекта приобретает динамический (меняющийся в самом себе) характер. Попробуем обрисовать возможную эволюцию, или становление, такого динамически характеризуемого субъекта-наблюдателя. Во многих современных «наукоучениях» предполагается, что исследовательская деятельность разворачивается в параллельном движении

накопления результатов, получаемых из опыта, и выработки теоретических представлений относительно как изучаемого фрагмента реальности, так и мира в целом. Причем в зависимости от того, какому аспекту (теоретическому или опытному) отдается предпочтение, выстраивается позиция исследователя. Если на первый план выходит опыт (и лишь потом относительно этого опыта строятся те или иные теоретические спекуляции), то речь идет о более или менее сложном контакте исследователя с непредзаданными совокупностями внешних сил, вступающих во взаимодействие со, скажем так, «внутренним устройством» самого наблюдателя, учитывая, что последний задан как ментальными, так и телесными координатами, как вербализуемыми, так и невербализуемыми аспектами познавательной деятельности. Тот невербализуемый аспект, который, вслед за М.Поляни, можно называть «молчаливым (личностным) знанием», задает состояние исследователя, которое, с одной стороны, предстает как некая целостность (обеспечивающая понимание случающегося здесь и теперь), а с другой, как контингентная сборка разрозненных «ощущений», относящихся, согласно Юму, к способности к ассоциации. Освоение реальности происходит здесь, если пользоваться терминологией Ж.Делеза и Ф.Гваттари, на *молекулярном* уровне, на котором молчаливое знание исследователя подчинено внешним, воздействующим на него силам, исходящим от осваиваемого объекта. Под действием таких внешних сил, предъявляющих исследователю разные способы существования объекта, сам исследователь расслаивается, и такая расслоенность подразумевает *множественность* реакций на *множественность* воздействующих сил. Причем часть этих сил вызывается к жизни деятельностью самого исследователя. Они суть реакция на его телодвижения, на его *усилия*. Эти силы формируют соответствующую реакцию исследователя и одновременно komponуют особое *молярное* состояние последнего, в котором внешние и внутренние составляющие исследовательской ситуации объединяются в некое подвижное, но устойчивое в своей подвижности, целое. Собственно, на *молярном* уровне познания исследователь (и сама ситуация исследования) обретает ту индивидуальность, которая и делает его субъектом познания, – индивидуальность, требующую своего обоснования на право познавать (необходимость трансцендентализма), поскольку *молекулярный* уровень в принципе не предполагает рефлексии, не разворачивает себя в поддающиеся анализу бинарных оппозициях (типа «субъект-объект», «внутреннее-внешнее» и т.п.) и тем самым остается вне поля рассудочного, по Канту,

схватывания мира. Тогда как *молярное* состояние отсылает уже к неким *параметрам порядка*, формируемым внешними силами и молчаливым знанием и требующим своей экспликации.

Таким образом, формирование, или, лучше сказать, становление, динамического податливого субъекта сопряжено с, по крайней мере, тремя синтезами, на которые отчасти уже указывал Кант: 1) спонтанный синтез, соединяющий внутренние потенции наблюдателя и внешние последнему силы в некий комплекс (коннективный синтез); 2) синтез, упорядочивающий указанный комплекс в некое подвижное, но устойчивое целое, и, как ни парадоксально, позволяющий проводить различия в таком целом, дробить его на составляющие, выделять в нем нечто особенное и специфическое (дизъюнктивный синтез); 3) и синтез, обеспечивающий повторное соединение различных и раздробленных частей в новое вариативное целое, вариативное именно потому, что части могут сочленяться по-разному, формируя каждый раз иное единство (конъюнктивный синтез). Сразу бросается в глаза, что первый синтез пассивен, а два следующих активны. Однако не исключено, что и в первом синтезе присутствует особого рода активность, не совпадающая с активностью других синтезов. Если активность дизъюнктивного и конъюнктивного синтезов держится (сошлемся опять на Канта) на рассудке или разуме, то активность коннективного синтеза нуждается в прояснении: это активность, присущая неожиданной встрече с принципиально непредсказуемой динамикой внешних сил, причем порой такая встреча имеет фундаментальное значение для прорыва в неизведанные миры.

Следует отметить, что указанные синтезы не стоит выстраивать в некую временную последовательность. Они, по сути, если и не одновременны, то взаимопереплетаются, их нельзя безоговорочно отделять друг от друга. Другими словами, эти синтезы сами вступают в некую коммуникацию и обмениваются собственными активностями, формируя знание как продукт само-воспроизводящихся коммуникативных действий, привлекающих ради собственной реализации эмоции, желания, ресурсы памяти, а также этические оценки (удерживая при этом соответствующую прагматичную цель). В этой связи также становится ясным, что *молярное* и *молекулярное*¹ не соотносятся с чем-то, что может быть связано с размером, масштабом, важностью или значимостью. *Молекулярность* характеризуется локальностью, нерелексивностью, отсутствием четких границ между инстанциями познавательной ситуации (допустим, субъектом и объектом), она предполагает некую сборку, задаваемую, в лучшем случае, только качественными, интенсивными характеристиками. *Молярное* же под-

разумеает самоорганизацию целостностей, обладающих границами, экстенсивностями и поддающихся количественным оценкам. (Например, в молярном состоянии уже можно говорить о наличии разных дисциплин, обладающих своими подходами к исследуемому объекту.) Тогда податливый динамический субъект-индивидуум пребывает как бы между *молекулярным* и *молярным*. На первый взгляд о нем можно было бы сказать, что у него достаточно четкие, но крайне подвижные фрактальные границы, что он все время перекомпоновывается. Но более корректным было бы определить его самого как ту фрактальную границу, которая маркирует переход от одного состояния до другого.

Как раз подобному податливому динамическому субъекту (теперь его можно именовать «субъектом-границей») свойственна активность, заимствуемая от коннективного синтеза: специфическая активность, которую содержательно удобно приравнять некоему *ненаправленному* усилию, *conatus*'у. Согласно Спинозе, усилие сопряжено со стремлением каждой вещи удержаться в собственном бытии. Именно такое стремление побуждает вещь при встрече с внешними силами вести себя по разному, дабы сохранить себя. Само стремление еще не может быть связано с осознанием, желанием, направленным влечением к чему-либо. Оно скорее выступает как онтологический оператор, маркирующий чистую динамику, чистое движение, или становление (без отсылки к тому, что становится и чем нечто становится). Усилие может интерпретироваться как направленное влечение лишь тогда, когда вещь и внешние ей силы формируют более или менее устойчивые композиции, показывающие, насколько вещь укрепились в собственном бытии или насколько она отклонилась от него. Субъект-граница — как квинтэссенция усилия, возникающего в переходе от одного состояния к другому — располагается именно в «области» фундаментальной встречи с непредсказуемым в молекулярном состоянии.

Здесь мы сталкиваемся с некой виртуальной областью невосприимчивого, которая указывает на наличие тайны. Тайна проявляется как восприятие невосприимчивого. Поясним, что в рассматриваемой модели мы будем понимать под тайной. Прежде всего, у тайны особое отношение к восприятию и к невосприимчивому. То, что воспринимается, как таковое уже не может быть тайной, по крайней мере формально. То же, что выступает в качестве тайны, по определению не должно восприниматься. Но так можно говорить лишь в том случае, когда речь идет о неких содержательных аспектах: я не знаю, что спрятано в этом сейфе, содержимое сейфа является для меня тайной.

Однако в нашем случае, в нашей спекулятивной модели речь идет не столько о содержаниях (последние возникнут на стадиях второго и третьего синтезов), сколько о наличии состояния присутствия при тайне присутствия, которое само не менее таинственно. Тайна, как мог бы сказать Мамардашвили, накручивается на саму себя. И даже «обнаружение» новых содержаний знания не обязательно снимает с них покрыва таинственности. Тайна парадоксальным образом взывает к такому восприятию, которое, по сути, отсылает к невоспринимаемому. И еще раз оговоримся, что такого типа тайна имеет место именно для субъекта-границы в момент фундаментальной встречи. Тайна имеет место в ситуации становления, она сама становится и наполняет становление содержанием, неустранимо таинственным содержанием. С другой стороны, как только исследовательская ситуация индивидуализируется и обретает целостность, тайны превращаются в секреты, которые нужно вырвать у природы с помощью методов, сконструированных ясно и отчетливо.

И тогда этика открытости, которая отстаивается в данной статье, обретает свою содержательность как в экзистенциальном, так и в эпистемологическом плане. Не смотря на то, что *conatus* ненаправлен, он тем не менее создает некую плотность движения, создает форматированность того, что обеспечивает встречу с иным. Именно поэтому, будучи рассмотренным вне контекста фундаментальной встречи, *conatus* оказывается двусмысленным термином. С одной стороны, он внутренне присущ субъекту, с другой, он конституируется открытостью субъекта внешним силам, komponующим последнего. В контексте же фундаментальной встречи *conatus* удерживает внутри себя тайну, на которую он направлен, как на то, что находится не столько за пределами встречи с непредсказуемым, сколько создает саму возможность этой встречи, он указывает на то обстоятельство, что сама эта встреча принципиальным образом таинственна. Становление несет в себе тайну. Ориентация на присутствие при тайне – необходимое условие открытости этической позиции исследователя.

Конечно, такие рассуждения далеко не новы. Безусловно, исследователь ориентирован на неизвестное. Но неизвестное и тайна не совпадают полностью друг с другом. Неизвестное в конечном счете становится известным (когда тайна понимается как секрет, который раскрывается и передается другому). Тайна же, как таковая, остается всегда таинственной, она удерживает в себе момент сокрытости, который остается конститутивным и оперативным. Сокрытость выполняет роль оператора для исследовательской деятельности.

Удерживание тайны – как в форме нелинейных дифференциальных уравнений, так и в ситуации исследования уникального (несводимого к образцам) объекта – задает особую позицию ученого, причастного к постнеклассической науке. Если классическая (и неклассическая) наука стремится расколдовать мир, лишить его с помощью всяческих бритв «лишних сущностей», сделать его прозрачным для *ratio*, то постнеклассическая наука, возникшая из столкновении со сверхсложными уникальными объектами, приходит к пониманию того, что мир остается таинственным и, метафорически говоря, заколдованным. И познавать такой мир нужно с учетом *невозможности* развернуть его в прозрачную теоретическую концепцию, объясняющую все и вся. Причем речь идет не о «бесконечном движении к абсолютной истине», а о признании нередуцируемого избытка тайны в наличной реальности. Соответственно сам научный поиск должен был бы включить в себя аспект активного заколдовывания мира. Исследователь заколдовывает мир так, что последний обнажает исследователю свои тайны, не раскрывая их, не превращая их в секреты. (В каком-то смысле можно сказать, что и классическая наука определенным образом «заколдовывала» мир, дабы делать его прозрачным для чистого разума.) И как раз податливый субъект-граница выступает маркером этической позиции, которая ориентирована на «заколдовывание» мира с тем, чтобы адекватнее познать его.

Усилие субъекта-границы, с учетом заключенной в нем и порождаемой им тайны, не только предполагает особое коммуникативное пространство, но и требует специфически истолкованных трансцендентных условий познания, в которые должны быть включены (традиционно отвергаемые после Канта) эмоциональные, эстетические, этические и т.д. компоненты. Кантовская *способность суждения*, его учение о возвышенном и прекрасном все более и более выдвигаются на первый план.

Ради удержания в познавательной деятельности *conatus*'а и тайны предлагаемая нами спекулятивная модель динамического податливого субъекта-наблюдателя (субъекта-границы) предполагает особую интерпретацию самого знания: знание здесь может интерпретироваться как некая среда, в которой самоорганизуется индивидуализированный наблюдатель-исследователь, среда известности и таинственности (в указанном выше смысле). Каждым своим познавательным актом *податливый* наблюдатель не только открывает новое, но и превращает нечто в тайну (именно поэтому он и выступает как граница, на сей раз как граница между раскрытым секретом и избыточной таинственностью). Герменевтическое предзнание податливого наблюдателя высту-

пает как «волшебная палочка», заколдовывающая реальность каждый раз после ее расколдовывания. То есть знание как среда организуется так, что порождает движение в сторону неизвестного, предполагает готовность встречи с неизнанным, посредством тех самых коммуникативных процедур, в которых знание, собственно, и формируется. Слово «формирование» здесь уместно заменить на термины «собрание», «складывание». При встрече с неизнанным на «среде знания» самоорганизуется *складка, сборка знания*, которая на *молярном* уровне рождает результаты исследований, обладающие способностью к тиражированию. Именно в этом пункте наиболее отчетливо проступает креативный характер этики становления, этики постнеклассической науки, отсылающий к обветшалому лозунгу: «мы не должны ждать милости от природы». Действительно, ученому не следует ждать милостей, но он и не должен нападать на природу с орудиями пыток. Этика открытости предполагает, что исследователь конституирует себя так, чтобы быть готовыми к встрече с неизнанным в ситуации тайны.

Заметим, что сборки знания также могут вступать в коммуникации. Причем друг для друга они выступают как некие преграды, некие ребра жесткости, отгораживающие известное от неизвестного (в качестве неизвестного для одной сборки знания, в том числе, может выступать другая сборка). Контакт между сборками знания можно именовать термином «диалог». Такой диалог, отсылающий ко второму – дизъюнктивному – синтезу, происходит как бы в динамическом *третьем попперовском мире*, который по своим конститутивным характеристикам хотя и не совпадает с онтологическими измерениями (согласно стратегии Хайдеггера), но тем не менее не принадлежит только лишь онтическому. Как раз при столкновении разныхборок знания (выступающих одним из вариантов встречи с неизнанным в среде узнаваемого) возникает ситуация присутствия при тайне, которая и выступает в качестве *контекста открытия*, контекста *автопоэтического* открытия нового.

* * *

Тем не менее тема «этоса науки» в контексте предлагаемой модели податливого субъекта (субъекта-границы) оказывается весьма шаткой, поскольку ставит под сомнение традиционный, идущий от Фихте, этос науки, подхваченный, в конечном счете, Мертоном. Классический этос науки, развиваемый Мертоном, говорит о соблюдении правил поведения ученым-исследователем как в отношении позна-

ваемого объекта, так в отношении того сообщества, в которое он включен. Предлагаемые в данной статье размышления также претендуют на определенного рода правила, но выступающие уже не столько как регулятивы, сколько как операторы. Примерами такого рода правил могут служить давно уже известные «принцип дополнительности» и «принцип неопределенности». Дополнительность и неопределенность, в качестве операторов познавательного процесса и будучи соотношенными со связкой «*conatus*-тайна-встреча», указывают на некое зияние, некий разрыв между тем, «что имело место быть», и тем, «что случилось» — зияние, превращающее исследователя-наблюдателя в своего рода свидетеля того, что происходит на границе становления². Субъект-граница, собственно, и выступает в роли такого свидетеля, причем его свидетельства оказываются наиболее значимыми тогда, когда указанные сборки знаний принадлежат разным стратам самого знания, или к разным областям последнего. Наиболее очевиден свидетельский статус субъекта-границы тогда, когда речь заходит о сочленении проблематик традиционно разведенных «отраслей» науки: физика встречается с химией, биология — с физикой. Но есть примеры³, когда свидетельство указывает на то, что сборки знаний могут присутствовать в, казалось бы, одном поле знания, когда они отсылают в принципе не к разным областям науки. Здесь особым образом начинает звучать тема междисциплинарности — тема, внутренним образом присущая рассматриваемым сюжетам. Междисциплинарность в данном случае полагает себя не как взаимодействие разных дисциплин, направленное на нахождение общих коррелятивов, а как столкновение сборок знания, существующих в этих дисциплинах.

Еще четче данная ситуация проявляет себя в тех случаях, когда встреча происходит между сборками знаний в принципиально разных областях, допустим, в эзотерическом и научном знании: к примеру, в науке каббала и институциональной науке. Тут в незатушеванном виде проявляются обсуждаемые ранее сюжеты. Более того, именно здесь появляется возможность конструктивно говорить о конституирующей, операциональной особенности тайны и плодотворности взаимовлияния разных сборок знания друг на друга во время фундаментальной встречи (креативной встречи, порождающей не только новое знание, но и особое отношение к познаваемому), когда мы сталкиваемся с иной парадигмальной установкой. Причем не стоит акцентировать внимание на кажущуюся похожесть подходов к освоению мира в каббале и постнеклассической науке. Такая похожесть является кажущейся именно потому, что при встрече этих сборок знания возникает соблазн некритически перенести содержательную сто-

рону одной сборки на другую. И если уж был упомянут «диалог», то в данном случае задача состоит в том, чтобы переструктурировать собственное содержание (именно для того, чтобы реализовать функцию заколдовывания, ради познания) так, чтобы нормы и правила, присущие иной сборке знаний, оказались значимыми и работающими для другой. Это, собственно, и является сутью той этической позиции, которая была обозначена как открытость тайне. Тогда речь не может идти о формальных сходствах между *Большим взрывом*, породившем вселенную (согласно одной из научных теоретических концепций) и появлением *Творца* из бесконечности (определяемой как божественное начало) в каббале. Скорее следует обсуждать типы мышления, мыслительных практик, свойственных каббале и науке, которые начинают резонировать как в определенной культуре, так и при вхождении в нестандартные познавательные ситуации. Именно здесь сюжеты эзотерического знания оказываются плодотворными для открытого научного познания. (Конечно же, молчаливо предполагается, что другой, с которым ведется диалог, также открыт.)

Известно, что эзотерические учения, в том числе и каббала, вмещают в себе целый ряд разнородных дискурсов: психологический, физический, этический, которые порой чрезвычайно мифологизированы и потому вызывают отторжение у научного дискурса. И тут следует обратить внимание на само отношение к термину «мифологизированность». Мифологизированность отпугивает научное творчество именно потому, что делает акцент на таинственности, конатусе и автопоэтичности (хотя при этом сегодня довольно часто говорят о «мифе науки»). Принятие же модели динамического податливого субъекта-наблюдателя фокусируется не столько на антагонизмах или приверженностях тому или иному способу мышления, сколько на выявлении структурных особенностей (а может быть, и совпадений) познавательных актов, порождающих разные сборки знания.

Например, в каббале, ориентированной на установление наиболее полного контакта с Творцом, присутствует сложная эпистемологическая процедура, связанная с формированием так называемого экрана (масаха), призванного ограничить влияние Творца на того, кто стремится к его познанию (на субъекта). Такое ограничение напоминает функцию рефлексии в классическом рационализме. Однако от собственно рефлексии оно отличается тем, что отсылает не только лишь к «умственной деятельности», но и требует принять во внимание чувственную сторону существования познающего. Для того, чтобы приобщиться к Творцу, нужно впасть в сомнение (почти декартовское сомнение) относительно правильности и обоснованности

своих претензий на понимание самой задачи познания Творца. Такое экранирование от света Творца ставит познающего субъекта в ситуацию, весьма сходную с обсуждаемой выше этической позицией субъекта-границы. Выстроив экран, каббалист помещает себя в положение неопределенности и дополнительности к познаваемому. Он экранирует себя от Творца ради того, чтобы обрести открытость тому новому, что исходит от последнего. И такая логика разворачивается в интенции к соитию с Творцом (зигвуту) – соитию, понимаемому как живое познание, оставляющее в стороне (по крайней мере, на время) логику дизъюнктивного и конъюнктивного синтезов. По сути дела в данной ситуации каббалист вступает в особое логическое пространство, а именно он подчиняет себя *логике события*. Той же самой логике события неявно подчиняет себя (и в этом состоит его этический вектор) ученый, причастный постнеклассической науке. И формирование экрана в каббале, и теоретическое освоение процессов становления на сплошной среде в постнеклассической науке (например, через исследование бифуркаций, присутствующих в природе) могут интерпретироваться в терминологии события: возникновение новых структурированных образований на сплошной среде также содержат в себе в скрытой форме элементы события. Событие – еще один дополнительный момент в связке *conatus-тайна-встреча*.

* * *

Итак, этическая позиция, которая рассматривается как комплементарная позиции податливого динамического субъекта-наблюдателя (наблюдателя-границы), предполагает определенное истолкование отношения к миру. Такое истолкование мы позаимствуем из стратегий крупного французского философа Ж.Делеза. Согласно Делезу, современное мышление (в том числе и научное) должно отойти от восприятия мира как некоей совокупности качеств (тем или иным образом данных познающему существу), превращаемых затем в понятия, из которых вырастает соответствующее представление о том или ином фрагменте реальности. Мир следует воспринимать как совокупность событий, чистых событий, относительно которых и нужно строить теории. И чтобы ухватить смысл и значение этого важного заявления, следует разобраться с самим термином «событие», играющем решающую роль в переходе от статики к динамике, от бытия к становлению.

Событие служит тому, чтобы обозначать не атрибут и не качество субъекта или объекта, а скорее бестелесный предикат, выражающий изменение субъекта, в том числе и в предложении (так вместо

того, чтобы говорить «дерево зеленое», следовало бы сказать «дерево зеленеет»). В одном из ключевых произведений Делеза «Логика смысла» события представлены в терминах стоической теории тел. Если все тела суть причины в отношении друг друга и друг для друга, то согласно делезовскому прочтению стоиков можно сказать, что результаты действий этих причин — не тела, а бестелесные сущности. Такие сущности являются не физическими качествами и свойствами, не вещами или фактами, но событиями, которые не существуют, а скорее обитают в вещах или присущи последним. Толща тел может быть противопоставлена бестелесным событиям, которые играют на поверхности этих тел, оживляют их («рост», «уменьшение», «нанесение пореза»). События освобождаются от положений вещей и их качеств, к которым они сводятся, когда те выступают лишь как некие смеси. Именно так увиденный мир делает возможным язык, извлекает звуки из состояний телесных действий и страданий. Чистые события, так сказать, «дают основание» языку в том смысле, что они обладают сингулярным, безличным и доиндивидуальным существованием внутри выражающего их языка. Другими словами, события обладают независимостью выражения по отношению к их воплощению в телах и в положениях вещей. Звуки вовсе не принадлежат телам как физические качества, но обретают свой смысл (сигнификацию, денотацию и т.д.) только как события. Это значит, что отношение между языком и миром является уже не отношением репрезентации, но отношением эффективности, причем язык непосредственно внедряется в мир и творит его новыми способами.

В книге «Складака. Лейбниц и барокко» Делез пытается развернуть «значение» события в терминах основных принципов Лейбница, а именно принципа достаточного основания и принципа тождества неразличимых. Он стремится показать, что предикат — это, прежде всего, отношение и событие. Предикация — это не атрибуция, а скорее движение и изменение: предикат выступает в качестве глагола, который не сводим к атрибуту. Предикат должен мыслиться как движение и изменение, а не как устойчивое состояние. Такая концепция мысли и события с необходимостью ведет к переработке понятия субстанции, ибо субстанция — это уже не субъект какого-либо атрибута, а скорее внутреннее единство события и активное единство изменения. Субстанция постигается здесь как «двойная спонтанность», подразумевающая: 1) движение как событие и 2) изменение как предикат. То есть событие обозначает некую имманентную активность поверх всякой устойчивой тотальности, некое творчество, новизну. В пределе сам мир следует описывать как событие и как бес-

телесный предикат, включающий в себя и субъекта и объект. То есть мы не можем даже помыслить субстанцию независимо от внутреннего единства события и активного изменения.

Термин «событие» (не будучи смешанным с каким-либо актуальным положением вещей) отсылает к «затененной или скрытой части», которая всегда может быть вычтена или добавлена к актуализации как некое «бесконечное движение», которое придает жизни согласованность. Такая затененная часть выступает как нечто «виртуальное» — виртуальное, обретающее согласованность. И в то время, как событие может *казаться* трансцендентным по отношению к положению вещей, к которым оно относится, нужно понимать, что оно является полностью имманентным движением. Грубо говоря, трансцендентным является именно положение вещей, в котором актуализируется событие. Событие предполагает время. Но это не время детерминации поддающихся изолированию точек и не мера дискретных мгновений, это время «межвременья», длительность интервала между состояниями. Событие указывает на то, что есть ситуации, когда *время не проходит*, а застывает в межвременьях, дабы зафиксировать границу между тем, что имело место, и тем, что произошло.

* * *

Этика исследователя, ориентированного на постнеклассическую науку, этика приготовления себя к фундаментальной встрече с неизнанным, этика открытого коммуникативного диалога с внешними силами предполагает (в рассмотренной модели податливого динамического субъекта-наблюдателя) ориентацию как раз на такое межвременье, отсылающее к миру как событию. Помещая себя в подобную позицию, исследователь приобщается к тем сборкам знания (например, к сборкам знания науки Каббала), которые могут выполнять функции лоцманов, ведущих ученого по динамической, самоорганизующейся среде знания.

Примечания

- ¹ Сами термины *молярное* и *молекулярное* заимствованы из произведений Ж.Делеза и Ф.Гваттари, и мы по возможности стараемся удерживать тот смысл, который вкладывали в них эти авторы.
- ² См.: *Свирский Я.И.* Свидетель зияния (к вопросу о «человекоразмерности» в науке) // *Философия науки.* Вып. 8. М., 2002.
- ³ См., например, статью *Ю.А.Данилова и Б.Б.Кадомова* «Что такое синергетика?» // *Нелинейные волны и самоорганизация.* М., 1983.